

*ПРОТОКОЛЫ РАЙОННЫХ СОБРАНИЙ ОРГАНИЗАТОРОВ
КОЛЛЕКТИВОВ РКП(Б) ПЕТРОГРАДА В 1921 г.*

Протоколы собраний организаторов (секретарей) коллективов (низовых ячеек) РКП(б) — весьма своеобразный источник. Ему присуще обычное канцелярское оформление: он близок по форме и содержанию к таким видам документов, как протоколы партийных комитетов разных уровней — губернского, городского, районного. Протоколы собраний организаторов, обнаруженные в архивах, относятся уже к 1919 г.; возможно, они составлялись и в 1918 г. Они мало изменились за несколько лет — с 1919 по 1921 гг. Протоколы имеют, прежде всего, одинаковую структуру. Протокольная запись делится обычно на две части: «слушали» и «постановили». Почти обязательной в первой части стала фиксация выступлений по следующему пункту повестки дня: «Доклады с мест». Традиционно именно ему отводилось основное место в протоколе, хотя на самом собрании организаторы решали и другие вопросы. Как правило, предваряло доклады с мест выступление организатора (секретаря) районного комитета партии. В нем также иногда можно было обнаружить ряд сведений о настроениях рабочих, но в основном они были неконкретны и предельно лаконичны.

Практика докладов с мест существовала уже в 1919 г. В протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Смольнинского района 31 октября 1919 г. можно, например, найти краткие записи выступлений с мест, причем круг вопросов, интересовавших ораторов, был традиционен: говорили о состоянии коллективов РКП(б), и чаще всего — об отношении к ним со стороны рабочих.¹⁴⁴ Это можно заметить и анализируя протоколы собраний организаторов коллективов РКП(б) Петроградского райо-

¹⁴⁴ См. обычную запись таких выступлений: «Пробочная фаб[ри]ка. — В коллективе 1 человек. Отношение враждебное. Русско-балт[ийский] моторный зав[од] — отношение сочувственное. Рождественский трампарк — отношение среднее» // Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Смольнинского района 31 октября 1919 г. (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об.).

на, состоявшихся спустя несколько месяцев, в феврале-марте 1920 г. — при том различии, что здесь фиксировалось лишь «общее» настроение рабочих, вне связи с их прямыми оценками партии.¹⁴⁵ Несомненно, «общее» настроение должно было содержать и «партийный» компонент — это отчетливо видно из других политико-психологических документов, где запись сообщений информаторов не отличалась такой краткостью. Определенные модификации содержания можно выявить и в протоколах собраний организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района. Здесь информаторы не ограничиваются краткой оценкой настроений, но сообщают и другие подробности чрезвычайных событий на предприятиях.¹⁴⁶

Запись докладов с мест в протоколах 1921 г. (и особенно февраля-марта) более подробна, чем в протоколах предыдущих лет. Они не следуют какому-либо унифицированному вопросу. Ответы организаторов менее однообразны, нередко содержат рядом с важной информацией и незначительные сведения, а характер сообщений определяется спецификой каждого из предприятий. Эти доклады, разумеется, имели общую цель: сообщить о том, что происходит на фабриках и заводах, но каждый из выступавших по-разному рассказывал о событиях. Уже протокол экстренного собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского (Петроградского)¹⁴⁷ района 25 февраля 1921 г. [Док. 32]. отчетливо обнаруживает ту разноголосицу, которая стала характерной особенностью и других документов такого рода, составленных в условиях социально-политического кризиса 1921 г.: «Трампарк. Было собрание. Есть недовольствие на почве продовольствия. Выступил эсер, требовал устройства общегородского собрания. Последнее собрание прошло спокойно. Возбуждает массу эсер и группа, поддерживающая его.

¹⁴⁵ См. например, протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Петроградского района 12 февраля 1920 г.: «Электрическая подстанция: служащих всего 300 человек, коммунистов 10 человек. Настроение удовлетворительное, отношение к работе сознательное... Завод «Гамаюн»... настроение хорошее... Трамвайный парк... настроение удовлетворительное». (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 7 об.) и 5 марта 1920 г.: «Фабрика Керстен — настроение рабочих среднее... Артсклад... настроение в среднем» (Там же. Л. 12 об.).

¹⁴⁶ См. протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 июля 1919 г.: «Трубочный завод... по поводу всеобща некоторое волнение (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 58).

¹⁴⁷ В связи с отказом признать переименование Санкт-Петербурга в Петроград вплоть до начала 1920-х гг. партийные организации города и одноименного района назывались «петербургскими».

Коллектив [РКП] подтянулся и работу свою усилил... Завод Лангензиппен. Все спокойно. Отражается на массе несвоевременное получение продзнаков. Есть и нежелательный элемент среди красноармейцев... Фабрика «Лебедь». Настроение спокойное. Листовок нет. Коллектив [РКП] силен». ¹⁴⁸

В целом, однако, можно отчетливо выделить в протоколах собраний круг сюжетов, которые интересовали информаторов. Фиксировал ли эти сюжеты, убирая «ненужные» из них, стенографист собраний, или это делал еще сам докладчик с мест — сказать трудно. Отмечают прежде всего информаторы то, что было «событийно». Они сообщали о том, есть ли недовольство среди рабочих, действуют ли предприятия, сколько эсеров и меньшевиков там работает, проводятся ли собрания и каков их итог, имеются ли оппозиционные группы, прочны ли позиции коллективов РКП(б) и фабзавкомов и, наконец, о чем-то необычном, например, о получении каких-то писем. Подчеркивалось, как правило, все то, что было за рамками производственной рутины, даже если это какие-нибудь мельчайшие происшествия, не имевшие никакого отношения к политике: «На заводе работают американцы, которым кто-то обещал в союзе увеличить паек». ¹⁴⁹ Можно предположить, что докладчиков просто попросили рассказать о ситуации на предприятии, и каждый из них это сделал, исходя из собственных представлений о том, что важно и что не важно. Отсюда и так хорошо заметный сумбур выступлений на собраниях. Но отметим здесь и другое. Столь частые отчеты докладчиков с общими оценками настроений, с обязательными рассказами о состоянии партячеек и охраны на фабриках и заводах — все это свидетельствует о том, что освещение ряда вопросов все же инициировалось районными структурами. Так, в протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского района 9 марта 1921 г. во многих сообщениях с мест можно обнаружить сведения о доставке на предприятия газет ¹⁵⁰ — они отсутствуют и в предыдущих, и в последующих протоколах собраний. Нетрудно предположить, что перед началом заседания присутствовавших обязали высказаться по этому вопросу. Така, заканчивая собрание организаторов коллективов РКП(б)

¹⁴⁸ ЦГИАПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49—50.

¹⁴⁹ Протокол экстренного собрания организаторов коллективов Петербургского райкома РКП(б) 25 февраля 1921 г.: Там же.

¹⁵⁰ Там же. Л. 53.

Петербургского района 25 февраля 1921 г., председательствующий призывал «обратить серьезное внимание на охрану заводов и фабрик,... принимать меры к ликвидации ложных слухов... всех меньшевиков и эсеров взять на учет и следить за таковыми».¹⁵¹ И в дальнейшем, на собрании 9 марта 1921 г. [Док. 33] докладчики с мест особо подчеркивали состояние охраны, получение рабочими газет и т.п.

Полноту фиксации стенографистом сообщений докладчиков на собраниях организаторов коллективов РКП(б) выявить очень трудно. Попробуем сравнить сведения, предоставленные на собрании организаторов коллективов РКП(б) Выборгского района 9 марта 1921 г. [Док. 34] и помещенную в сводке Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г. информацию о заводах «Нобель» и «Парвийнен». В протоколе собрания читаем: «Зав[од] Парвийнен: Были собрания, видна связь с “Арсеналом” и “Лесснером”, настроение склонно к вольтке... Зав[од] Нобель: Происходили собрания и было настроение не работать, но после доклада тов. Евдокимова постановили приступить к работе».¹⁵² В сводке ШВО о событиях на обоих заводах сказано так: «Завод Нобеля: Собрание постановило большинством двух третей приступить завтра к работе. Завод Парвийнен: После 2-х час. было собрание по докладу делегации о текущем моменте с призывом поддержки Кронштадта. Собрание раскололось надвое».¹⁵³

Как видим, в сводке Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г. нетрудно обнаружить такие подробности событий, какие отсутствуют в протоколе собрания организаторов, состоявшемся в этот же день. Можно поэтому предположить, что стенографист не отразил в протоколе все детали речей выступавших. Конечно, составитель сводки штаба внутренней обороны мог пользоваться и данными, полученными от других информаторов, но это маловероятно ввиду следующих обстоятельств. Во-первых, секретарь (организатор) райкома РКП(б), который обычно председательствовал на заседаниях организаторов низовых ячеек, как правило, являлся членом (и очень часто руководителем) районной революционной тройки (ревтройки), откуда и поступали в ШВО сведения о происшествиях

¹⁵¹ Там же. Л. 50.

¹⁵² Там же. Л. 53.

¹⁵³ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 152 об.

в районах. Можно предположить, что стенограмма заседания организаторов и была прототипом той сводки, которая дважды в день направлялась районным руководством в штаб. Иными словами, если ШВО и мог получить какие-либо сведения, то только из рук организатора райкома, а тот, в свою очередь, от докладчиков «с мест». Во-вторых, текст сводки, повествующей о событиях в Выборгском районе, структурно и стилистически близок именно к тексту протокола собрания организаторов района; в нем заметны та же лаконичность и интерес к одним и тем же сюжетам. В-третьих, обратим внимание на особенности протоколирования речи. Такая краткость, обрубленность фразы едва ли возможна в устной речи; вряд ли в устной речи можно допустить и столь быстрые переходы от одной темы к другой, без каких-либо связующих их оговорок. Можно, поэтому, допустить, что здесь отсутствует стенографически точная фиксация речи — но необходимо выявить методику передачи и, что особенно трудно, степень сокращения речей, предпринимаемого протоколистом.

Обратим внимание на те случаи, когда протоколист передает фразы выступавших, отличавшиеся особой «живописностью», весьма кратко, стереотипно, применяя характерные канцелярские обороты. «Перевязочная мастерская — целиком интеллигентные барышни, боящиеся заморозить ручки» — читаем мы в протоколе собрания организаторов Петербургского района 25 февраля 1921 г. о положении на заводе военно-врачебных заготовлений.¹⁵⁴ Возможно, это «образный» штамп — с присущим ему почти фамильярным полупрезрением («барышни», «боящиеся заморозить ручки») — свидетельство перевода протоколистом переданной ему информации в общеупотребительный фразеологизм. Но другим сообщениям, помещенным в протоколе — отрывистым, кратким, скудным по содержанию — такая «образность» не была свойственна.¹⁵⁵ Подобные фразеологизмы применяются только для описания событий на единственном заводе. Привычки излагать доклад фразеологизмами у составителя, как видно, нет. Поэтому нужно предположить, что фраза о «барышнях» не имеет следов существенной редакционной обработки и представляет

¹⁵⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49–50.

¹⁵⁵ См. запись докладов с мест в этом же протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского района 25 февраля 1921 г.: «Завод “Лебедь”. Настроение спокойное. Листовок нет. Коллектив силен»; «Хлебоза-вод... Завод работает. Все сыты» (Там же).

почти дословный пересказ одного из «докладов с мест» — она здесь может оцениваться как реликт прямой речи.

В протоколе обращает на себя внимание и то, что оценка настроения рабочих, хотя и обязательно присутствует в записи «доклада», не имеет четко обозначенного места в составе этой записи. Такая оценка может подытоживать описание событий на предприятии или как-то иначе быть связана с ними, но может и предварять описание конкретных деталей происшествий и даже не иметь к ним никакого отношения. В некоторых записях докладов коллективов РКП(б) Петроградского района, помещенных в протоколах собраний организаторов, 25 февраля и 16 марта 1921 г. [Док. 35] вообще ничего не говорится о настроениях, а внимание сосредоточено на отдельных сторонах положения на предприятии. Такая разностильность компоновки изложений докладов заставляет предполагать, что приводя данные о настроениях рабочих, протоколист в ряде случаев не сам обобщает доставляемые ему сведения в виде краткой общей оценки, но пользуется оценками и следует канве последовательного рассказа именно докладчика.

Этим, конечно, не преуменьшается значимость работы составителя протокола по унификации излагаемых им докладов — во многих текстах ее следы весьма отчетливы. Обращает на себя внимание последовательность многих «докладов с мест» — сначала приводится краткая оценка настроения рабочих, затем — подробности событий на предприятиях. Можно предположить, что такой порядок был определен председательствующим во вступительном слове; но трудно представить, что выступавшие, не сговариваясь, не сбиваясь, только так и не иначе строго следовали жестко намеченной кем-то канве доклада. В протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Выборгского района 9 марта 1921 г. такая унификация выявляется особенно рельефно — говоря о положении на местах, составитель протокола использует обычно два-три слова, причем часто повторяющиеся: «Металлический завод: работал все время, настроение удовлетворительно... Старый Лесснер: удовлетворительно... Завод Айваз: настроение рабочих удовлетворительное, работал зав[од] все время... Зав[од] Оптический: работает все время, настроение удовлетворительное... Выб[оргская] ниточная: работают все время, удовлетворительно».¹⁵⁶ В протоколе собрания организаторов

¹⁵⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 341. Л. 53.

коллективов РКП(б) Петроградского района 9 марта 1921 г. обращает на себя внимание частое использование слов «неважное настроение» и «получаются газеты».¹⁵⁷

Только с особыми оговорками нужно признать, что эти словесные формулы могли одинаково кратко использоваться различными людьми, присутствовавшими на заседании — если иметь в виду, что столь часто такие формулы встречались именно в этом, а не в других протоколах собраний организаторов ячеек Петроградского района, и таким образом, могли принадлежать тому человеку, который редактировал протокол.

Немаловажное значение для определения достоверности передаваемых протоколом сведений имеет и определение степени информированности авторов «докладов с мест». Нередки случаи, когда о каких-либо событиях докладчик говорил весьма неопределенно, а порой и с чужих слов.¹⁵⁸ Как правило, неотчетливо фиксировались действия, имевшие оппозиционную окраску и вообще все то, что рабочие предпочитали маскировать, причем информаторы иногда узнавали о таких действиях лишь спустя несколько дней. В ряде случаев докладчик специально оговаривался, подчеркивая скудость своих сведений: «какое-то письмо», «кажется, одобрялась»,¹⁵⁹ но обычно он уверенно рассказывал о тех или иных событиях, почти никогда не сообщая, был ли он их очевидцем или узнал о них от других людей. Выяснить это, даже проведя детальный анализ текста, очень трудно, в первую очередь ввиду сугубой краткости записей.

В тексте сообщений о положении на местах исследователь без труда может обнаружить ряд противоречий, и это также должно быть учтено при определении достоверности докладов. Так, в сообщении о состоянии дел на Тюлевой фабрике 25 февраля 1921 г. можно обнаружить следующие оценки: «Волнуются из-за несвоевременного получения жалованья. В общем, все спокойно».¹⁶⁰ В докладе о положении на Монетном дворе за этот же день встречаем и такие выводы: «Рабочие недовольны, потому что много спецов. Недовольства нет. Настроение спокойное».¹⁶¹ Степень противоречивости текстов докладов можно выявить, во-первых, зная практику применения докладчиком оценочных

¹⁵⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 53.

¹⁵⁸ Там же. Л. 49—50.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

клише, во-вторых — учитывая их контекст. Докладчик (или излагающий его речь протоколист) мог пользоваться одинаковыми клише для обозначения разных оттенков значимости того или иного явления. «Недовольство» — это термин, который мог применяться при оценке и незначительных происшествий, и массовых волнений. Другой термин докладчик не употребляет, но необходимость все же как-то отделить мелочное от важного он понимает — отсюда и повторение термина для утверждения разных оценок. Противоречие здесь имеет формальный характер и может возникать вследствие скудности лексических средств информатора. Протоколист ввиду крайней краткости изложения способен даже утрировать это однообразие лексики — трудно все же представить, что противоречащие друг другу утверждения содержались в соседствующих предложениях.

Наличие противоречий в текстах речи может в какой-то мере реконструировать и технику ее записи. Повторение в тексте оценок, имеющих то негативную, то позитивную направленность, наводит на мысль о том, что протоколистом осуществлялся не столько синтез всего сказанного докладчиком, сколько последовательная запись нескольких общих оценок, данных им, — последовательная именно потому, что оценки логично уточняют друг друга. Это позволяет предположить, что протоколист мог дотошнее, чем обычно, следовать за речью докладчика, а не только суммировать ее выводы. Другой вопрос — насколько была четкой информация докладчиков, ввиду присущей им порой лексической невнятице. Ряд явлений информатор оценивал скороговоркой, и только зная особенности языка той эпохи, можно правильно уловить содержание его вердикта. В протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Петроградского района 9 марта 1921 г., в сообщении о положении на фабрике военного снаряжения мы встречаем фразу: «настроение в связи с происходящими событиями улучшилось»,¹⁶² которую можно трактовать двояко, поскольку это было сказано на следующий день после провала первого наступления на Кронштадт. Но, во-первых, отметим, что сведения рабочих о том, что происходило в Кронштадте, были весьма скудными, перемешивались со слухами. В официозных газетах — а в них мы не обнаружим и намека на провал штурма 8 марта. Во-вторых, термин «улучшение настроения» исследователь, знакомый с обычным словоупотреблением составителей

¹⁶² Там же. Л. 53.

сводок тех дней, мог оценить только как свидетельство упрочения просоветских настроений масс. Если бы дело обстояло иначе, информатор мог отметить и «ухудшение настроения» — это был тоже часто используемый термин в сводках. В-третьих, фраза об изменении настроений рабочих в первых числах марта как раз в связи с началом Кронштадтского восстания не была редкой в тогдашних политических сводках — а их, как уже отмечалось, традиционно редактировал и подписывал организатор райкома РКП(б), руководивший и собраниями организаторов местных коллективов РКП(б). В сводках передавались наблюдения информаторов, фиксировавших «отрезвление» бастующих рабочих в связи с сообщениями о том, что восстанием якобы руководят «царские генералы».

Такого же чтения «между строк» требует и изложение в этом протоколе доклада о положении на фабрике «Гот». Не очень ясная оценка: «Ждут конца кронштадтских событий», предваряется и тем самым дешифруется фразой: «Настроение хорошее». С другой стороны, имеет значение и трактовка докладчиком причин неприязни рабочих к мятежным матросам — в том случае, когда четкие и ясные оценки ими мятежа отсутствуют. На фабрике «Светоч», как передавал информатор 9 марта, «о кронштадтских событиях говорят: “носились с клешниками, вот и доносились”».¹⁶³ Отчетливо видно, таким образом, негативное отношение как к матросам, так и к тем, кто использовал матросов в «революционных» эксцессах 1918–1920-х гг., превознося их деяния в агитках. Употребление презрительного прозвища «клешники» отчасти приоткрывает мотивы неприязни к матросам — она, возможно, имела и бытовой характер.

Говоря о четкости и ясности оценок докладчиков, нужно обратить особое внимание на их определения. О том, что считалось «спокойным», «хорошим» и «удовлетворительным» настроением и, главное, отражали ли эти дефиниции оттенки настроений или просто использовались как взаимозаменяющие слова — сказать трудно. С уверенностью можно только предположить, что они означали отсутствие заметной оппозиции на предприятиях и наличие хотя бы внешней лояльности рабочих. Без особых усилий можно выявить и значение фраз «настроение неважное» или «настроение повысилось» — не очень грамотные, они, однако, содержат присущие просторечию клише,

¹⁶³ Там же.

значение которых мало изменилось и до настоящего времени и которые поэтому могут быть адекватно распознаны. Труднее выявить значение других определений настроений: «среднее» и «пассивное». Можно, конечно, предположить их общую направленность, но в тех случаях, когда они не сопровождаются рассказом о каких-либо подробностях событий, оценка настроений рабочих будет все же весьма приблизительной. Употребляя столь экзотические дефиниции, информатор, конечно, не маскирует здесь бездоказательность своих выводов, но только выражает их присущим ему языком. Изучение его речевой практики и есть та лаборатория, которая позволит исследователю в одном слове разглядеть целый мир ушедшей эпохи.